

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Ингушского государственного университета
dugurhan@mail.ru

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИНСТИТУТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация:

В статье выявлены неформальные политические институты взаимодействия органов власти в субъектах Российской Федерации (1990–2000-е гг.). Определена специфика конфликтных взаимодействий между федеральными и региональными, законодательными и исполнительными органами власти.

Ключевые слова:

неформальные политические институты, взаимодействие органов власти, субъекты Российской Федерации.

Kokorhoeva Dugurhan Sultangireevna

Candidate of History,
associate professor of the chair of world history,
Ingush State University
dugurhan@mail.ru

**INFORMAL POLITICAL
INSTITUTIONS OF INTERACTION
BETWEEN AUTHORITIES
IN SUBJECTS OF RUSSIAN FEDERATION**

The summary:

The article identified the informal political institutions of interaction of authorities in the Russian Federation (1990–2000-s.). The specific of the conflict interactions between federal and regional legislative and executive authorities is determined.

Keywords:

Informal political institutions, interaction of authorities, subjects of Russian Federation.

Цель статьи – выявить неформальные политические институты взаимодействия органов власти в субъектах Российской Федерации (1990–2000-е гг.). Следует определить специфику взаимодействий между федеральными и региональными, законодательными и исполнительными органами власти.

Полезно определение института, данное А.В. Дукой. Институт – совокупность ролей, играемых людьми; «совокупность индивидов, действующих в соответствии с общими правилами для достижения коллективных целей» [1, с. 129]. Главная задача института – интегрировать и стабилизировать деятельность. Институционализация – процесс закрепления видов деятельности, превращение их в стандартные и привычные на основе определенных взглядов и интересов. Институционализация характеризует меру устойчивости органов власти, их «встроенность» в общественную систему.

Институционализация возможна при взаимодействии трех факторов: культурного, структурного и институционального (в узком смысле). Культурный фактор означает легитимацию органов власти с помощью принятых в обществе норм и ценностей, стереотипов и отношений к политике. Структурный фактор составляет организационную «рамку». Собственно институциональный фактор связан со способами деятельности и задачами властных органов, с типом формирования их структур.

О завершении институционализации можно судить по критериям. Среди них – устойчивость группировок во власти и возможность эффективно использовать свой статус; воспроизводство правящей страты: наличие социальной базы для рекрутирования и кадрового резерва органов власти. В итоге институционализации состав властных органов стабилизируется. Практики деятельности становятся постоянными. Стабилизация политических властвующих групп переплетается с концентрацией собственности. Складываются семейно-родственные и служебные кланы, в деятельности которых трудно разделить экономические и политические интересы.

Вместе с тем институционализация органов власти в РФ не завершена. Процесс зависит от общероссийских и региональных политических условий. Велика доля неопределенности в институциональном выборе.

Для понимания неформальных институтов взаимодействия органов власти в субъектах РФ важно, что уже в 1993–1994 гг. отмечена слабость, а часто и «бессубъектность» политических сообществ регионов. Система органов власти стала господствующим выразителем публичных интересов. Ее легкая победа над элементами гражданского общества достигалась за счет неформальных клиентельных связей, контроля над ключевыми экономическими позициями, управленческого опыта и превосходства в кадровом резерве.

Мы ограничимся выявлением взаимоотношений по вертикали – между федеральной и региональными органами власти, а также неформальных взаимодействий по горизонтали – между сегментами властвующих групп. Основными типами отношений являются компромиссные и конфликтные стратегии взаимодействия. В.Я. Гельман предложил классификацию стратегий [2, с. 44–48]. Компромиссная стратегия при режиме с доминирующим актором – «сообщество элит», при отсутствии такого актора – «борьба по правилам». Конфликтные (силовые) стратегии: при режиме с доминирующим актором – «победитель получает все», при отсутствии доминатора – «война всех против всех».

Роль элит в системе взаимодействий определяется тем, что элиты – не рядовые участники конфликтов. Напротив, элиты определяют, какой конфликт окажется в центре политических взаимоотношений в зависимости от своих стратегий и текущих предпочтений. Но элитные конфликты латентны, имеют скрытые и внешне превращенные формы. Например, противостояние кланов в борьбе за собственность и власть часто маскируется возвышенными идеологическими лозунгами, предназначенными для масс.

Типология включает в себя институциональные и функциональные конфликты. Институциональные конфликты вызваны противоречиями в принципах и целях различных органов власти. Они коренятся в природе моноцентрической персонализированной власти, которая во многом унаследовала советские практики, но вынуждена ограниченно соблюдать демократические процедуры. Каждый орган стремится к единовластию, но это недостижимо. Поэтому проявляются постоянные конфликты по вертикали между уровнями власти. Также сильны, особенно на стадии становления федеративного государства, «горизонтальные» конфликты между губернаторами и законодательными органами.

Периодизация конфликтного взаимодействия может быть дана по признаку состава участников и их целей. Выделяются три этапа:

1. В первой половине 1990-х гг. шло преобразование номенклатуры в элиту. Высока раздробленность элит в регионах. Механизмы получения статуса – чаще всего назначения по принципу личной преданности. Стремилась к самостоятельности элита республик под предлогом обретения государственного суверенитета. В основе требований перераспределения ресурсов власти лежали экономические мотивы.

Для такой расстановки сил свойственны конфликты по вертикали: между федеральной элитой в целом и элитами наиболее сепаратистских регионов (Чечни, Татарстана, Башкортостана, Якутии, Тывы) между Президентом РФ и «прокоммунистическими» региональными Советами. Мэры городов пытались закрепить автономию от региональных элит. По горизонтали развивался конфликт между назначенными главами регионов и Советами, а иногда – между неотлаженными звеньями исполнительной власти (в Краснодарском крае в 1992 г. – между главой администрации и председателем правительства). Конфликты завершились роспуском Советов и укреплением исполнительной власти, «приручением» депутатов региональных собраний.

2. В 1996–1999 гг. окрепшие региональные органы власти расширяют благодаря договорной децентрализованной федерации свои ресурсы. Полномочия и предметы ведения, распределение налоговых и бюджетных поступлений менялись в пользу регионов за счет российского центра. Переход к выборности губернаторов уменьшил влияние федеральных властей на состав и ориентации элит. Сложилась моноцентрическая власть губернаторов. Вмешательство центра проводилось чаще в случаях идеологической нелояльности «красных» губернаторов (в 1/4 регионов) [3, с. 175–189]. По формам оно было сравнительно мягким: противопоставление нелояльным губернаторам мэров крупных городов, манипуляции с уровнем трансфертов и кредитов и т.п. Пик влияния региональных элит пришелся на 1998–1999 гг., когда они пытались солидарно давить на федеральные инстанции в лоббистских интересах.

Данная расстановка сил вела к институциональному конфликту между Президентом РФ и наиболее высокостатусными главами регионов, а также к конфликту «главы регионов – мэры городов». Конфликты нашли разрешение на парламентских выборах 1999 г., когда федерально-ориентированная «партия власти» – «Единство» переиграла регионально-ориентированную ОВР.

3. С 2000 г. до настоящего времени. В отличие от 1990-х гг., когда власть на уровне регионов зависела, прежде всего, от внутренних факторов, ныне она определяется во многом внешними факторами – институциональными и неформальными проявлениями реформ. Президент РФ обрел право отстранять от должности глав регионов и распускать региональные законодательные органы. Федеральные округа стали координирующей инстанцией для подразделений ведомств общероссийского подчинения. Отчасти аппарат полпредов комплектуется из представителей региональных контрэлит и лиц, неукорененных в регионе. Лидеры субъектов РФ лишились своих мест в Совете Федерации, а Госсовет совещателен. Взломана изолированная от центра «губернаторская вертикаль власти», она встраивается в общероссийскую систе-

му. Многие радикальные оппоненты центра проиграли выборы или не смогли в них участвовать (Р. Аушев в Ингушетии, М. Николаев в Саха–Якутии, А. Руцкой в Курской области, Н. Кондратенко на Кубани и т.д.). Достигнут компромисс между федеральной и региональными элитами на основе взаимной лояльности и обмена ресурсами. Губернаторы утратили статус общероссийских политиков, а взамен получили право на третий и даже четвертый срок полномочий, прощение своих «грехов». Активизировалась экспансия крупного капитала в регионы, теперь она идет под патронажем федеральных органов власти.

Данные показатели расстановки сил значительно изменили конфликты. Противостояние «центр – главы регионов» стало чаще всего подспудным, выражается в непубличных формах. «Амортизатором» конфликта теперь выступают полномочные представительства Президента РФ в федеральных округах и федеральные инспектора на уровне регионов. Конфликт глав регионов с федеральным центром может резко активизироваться на социально-экономической почве, например, вследствие роста расходной части региональных бюджетов вследствие социальных проблем. В связи с муниципальной реформой возможна повторная институционализация конфликта «главы регионов – мэры», сейчас имеющего функциональные черты.

Функциональные конфликты возникают из-за неопределенности либо противоречивости задач сегментов элиты, личных и групповых интересов. Они гораздо разнообразнее институциональных, что неудивительно для столь мозаичного пространства российских регионов. Функциональные конфликты различаются по преобладающим факторам: экономическим, социальным, правовым, политико-идеологическим, этническим, личностным. Они могут иметь, как и институциональные конфликты, две оси развертывания: по вертикали и горизонтали. Часто разновидности конфликтов переплетаются между собой по причинам и сфере проявления.

В поддержании функциональных конфликтов очень важны установки политической культуры. Во многих регионах выявлены устойчивые ориентации на монопольную власть, оценки диалога и компромисса как признаков слабости и недостойного поведения (см. исследования Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой). Так, их интервью в нескольких регионах подтверждают субъективную важность внутриэлитных конфликтов. Больше 50 % респондентов считали, что уменьшение внутриэлитной борьбы за власть позволило бы им управлять более рационально и эффективно [4, с. 42]. Жесткие методы конкуренции, отмеченные у старшего (более 40 лет возраста) поколения, чаще приводили к успеху и потому закреплялись в сознании.

Основой классификации отношений между органами власти может быть матрица, разработанная И.Г. Тарусиной на основе критериев политических установок и элитных структур (по Дж. Хигли и Р. Гюнтеру). Она включает в себя три вида структур [5, с. 134–135]:

- идеологическое единство – принудительное под диктовку правящей группы;
- консенсусное единство – процедурно–добровольное, на основе общепринятых демократических «правил игры»;
- разделенные структуры при сильном размежевании внутри элит и отсутствии единых ценностей у них (сценарий «война против всех»).

И.Г. Тарусина добавляет еще одну промежуточную структуру – фрагментированную. При ней элиты консенсусны, но не достигли единого понимания норм отношений. Различия установок и элитных структур образуют в сумме систему координат межэлитного взаимодействия [6, с. 136].

А.В. Дахин создал модель конкуренции, которая в иных терминах раскрывает те же процессы [7, с. 116–119]. Модель «враждующей демократии» сходна с поведением разделенной властной структуры в терминах И.Г. Тарусиной. Модель «доверяющей демократии» близка к консенсусно-единой структуре. Модель «враждующей демократии» складывается при непримиримой борьбе между органами власти. Отношения неустойчивы. В основе – недоверие, отчуждение и «смертельная борьба» между элитами.

Модель «доверяющей демократии» закрепляется в случае, если формальные и неформальные правила конкуренции становятся общепризнанными. Становятся возможными компромиссы и стратегическое планирование курса. «Системные» группировки, способные к диалогу и компромиссам, объединялись против несистемных. На материалах исследований в Ярославской и Самарской областях можно увидеть, как элиты исходно похожих по культуре и политическим институтам регионов увеличивают свои различия из-за краткосрочных обстоятельств. На основе интервью установлено, что более сильный лидер региона с культурой «доверяющей демократии» стремится к полицентрической власти и делегированию своих полномочий. Так поступал ярославский губернатор А. Лисицын. Ослабевший лидер региона, напротив, изменяет модель отношений элит на более моноцентрическую (случай самарского губернатора К. Титова). Полицентрическая модель эффективна, если «команда» губернатора состоит из сильных фигур, не конкурирующих с лидером, и если лидер или другой высокостатусный политик способен создавать кадровые «сдержки и противовесы» в команде [8, с. 44; 9, с. 141–145].

Противоположная ситуация отмечена в Республике Коми. В.А. Ковалев ввел термин «поставторитарный синдром» для осмысления межэлитных отношений [10, с. 96]. Он означает, что политическое поле расколото многими противоречиями, действия элитных групп малопредсказуемы и ситуативны. Реальное распределение власти проводится не на выборах, а в негласной борьбе. Создается неопределенность коалиций, уровень эффективности управления после смены главы региона резко падает.

Сохраняется, а во многих регионах преобладает номенклатурный принцип. Он означает продвижение в административную элиту либо финансово-промышленные группы. Отношения в них управляются по системе формальных и (чаще) неформальных связей, негласных правил поведения. Способы рекрутирования зависят от личных предпочтений руководителя, то есть основаны на патрон-клиентарных отношениях. Во многих регионах слаб «политический рынок», не развита инфраструктура конкурентной политики (свободные СМИ, Интернет, возможность достичь высокого статуса вне и вопреки государственной бюрократии). Региональные элитные кланы – это устойчивые политико-экономические группы. Они объединены общими интересами, консолидированы вокруг руководителей исполнительной власти – губернаторов, президентов, мэров. В основе внутриэлитного единства – отношения личной зависимости и преданности патрону. Именно личная преданность лидеру – важнейший неформальный механизм рекрутирования правящих групп. Вместе с тем политическая элита региона обычно разделена на много соперничающих кланов, и это дробление тянется вниз, на местный уровень.

Самооценка региональных правящих элит отчетливо выявляет номенклатурность. Экспертный опрос госслужащих Южного федерального округа в 2001 г. показал, что основные «недостатки» элит – коррумпированность (71,4 % ответов), недостаточный профессионализм (68,6 %), подбор руководящего состава по родству и дружбе (42,9 %), закрытость процесса принятия решений для посторонних (40 %) [11, с. 159]. Большую роль играют внутригрупповые нормы и ценности, неправовые ограничения, введенные клиентелой главы региона.

Противовесом номенклатурному принципу является конкурентная и гласная рекрутация элит. Она чаще всего проявляется в регионах с высоким уровнем развития урбанизации и культурно-образовательного комплекса. Данный вид рекрутации связан с партисипаторным типом политической культуры, влиянием западной деловой культуры. Идет, хоть и не повсеместно, профессионализация элит, особенно на уровне неформального окружения руководителей регионов и госслужащих среднего звена. Интервью, проведенные Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой в Ростовской и Пермской областях, показали профессионализацию политических и экономических подразделений администраций [12, с. 93–99]. Заметна тенденция отказа от «личной преданности» и перехода к «лояльному профессионализму». Лидеры склонны повышать квалификацию лояльных членов «команды», но остерегаются давать дорогу независимым профессиональным политикам. Источники качественно новых пополнений элит видятся в независимых от административного патронажа бизнес-слоях, молодых интеллектуалах и менеджерах. Часто включение предпринимателей в политическую элиту поощряет официальная власть региона. Губернаторы «оплачивают» свои предвыборные обязательства перед крупным бизнесом. Если во второй половине 1990-х гг. многие настаивали на том, что элита стала замкнутой и самодостаточной, то ныне отмечена тенденция разнообразия каналов пополнения элит. Можно говорить о подвижном равновесии номенклатурной и конкурентной моделей рекрутирования.

Коллектив ростовских исследователей (В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин и др.) выделяет черты распределения власти – монополизация власти узким кругом лиц (формальным или неформальным) [13, с. 108]. Вокруг центра принятия решений располагаются окологэлитное окружение с неформальным влиянием (помощники, советники, спичрайтеры, охрана, редакторы лояльных СМИ, родственники лидеров); структурные подразделения власти.

Важный аспект – специфика органов власти в «русских» и «этнических» регионах. Стремительное строительство федерации привело к различиям социального состава элит субъектов РФ.

Среди социальных черт губернаторов и президентов, влияющих на тип их властвования, особенно важно их сельское происхождение как интегративный индикатор традиционализма. По расчетам М.Х. Фарухшина, в выборке 62 глав регионов 56,5 % составляют выходцы из сел. Если к ним добавить выходцев из малых городов, образ жизни и мышления которых немногим отличается от сельского, то 86,3 % глав регионов – представителей периферии [14, с. 208].

Коллектив исследователей под руководством В.Г. Игнатова установил, что в высшем слое элит республик насчитывается менее 10 % русских при том, что русские в республиках Северного Кавказа составляют около 20 % населения. Относительно соразмерно этническое представительство только на среднем уровне административных элит (руководители отделов, служб, министерств) [15, с. 154].

Анализ этностатусов правящих элит часто затруднен. Например, в Башкортостане сведения об этнической принадлежности элиты были засекречены, как отмечает Р.Р. Галлямов [16, с. 190]. В 16 республиках Российской Федерации из 21 высшие должностные лица (президенты, главы республик и т.д.) – представители «титовых» этносов, хотя эти народы численно преобладают в 9 республиках [17, с. 208]. В итоге складывается этнократия, которая проявляется во многих регионах. Формирование политических элит в республиках РФ своеобразно по своим каналам и методам, как показал Р.Р. Галлямов [18, с. 192]:

1) в отличие от краев и областей, республики сохранили преемственность кадров номенклатуры;

2) в начале 1990-х гг. произошла мощная этнизация элит;

3) элиты республик добились повышенного статуса и ресурсов власти в рамках курса «обретения» суверенитета;

4) преимущества в назначении имеют выходцы из сельских местностей, что помогает воспроизводить номенклатурные порядки и обеспечивать покорность авторитарному лидеру республики;

5) традиционалистская культура элит вследствие их происхождения и карьерного пути проявляется в неприятии реальной оппозиции, в землячестве и корпоративизме; она нацелена на воспроизводство норм прошлого.

Источники внутриэлитной консолидации зависят, прежде всего, от преобладающих типов политической культуры. Для республик с преобладанием «титовых» народов такие источники часто – родство, землячество, общий язык и социально-профессиональное происхождение. Характерно, что республики с преобладанием русских в этноструктуре почти всегда имеют более конкурентные модели набора элит (Карелия, Удмуртия, Марий Эл). Они мало чем отличаются по элитогенезу от областей и краёв, где преобладают политико-хозяйственные интересы, а не родство в принципах набора «команд». Общим качеством для всех следует признать личную преданность лидеру и иерархию полномочий внутри клиентелы.

Итак, изученные варианты внутриэлитных отношений подтверждают разнотипность региональных органов власти, низкую их консолидированность, политико-идейную ангажированность. Идет соподчинение региональных интересов федеральным; элиты регионов становятся более расколотыми и неоднородными из-за отсутствия эффективных механизмов и институтов лоббирования. Они становятся более зависимыми или управляемыми из центра. Сужается ресурсная база и поле политического маневрирования. Во многих регионах отмечено «дряхление» многолетних моделей авторитарного взаимодействия (Алтайский край, Ростовская, Рязанская, Саратовская области и др.). Институты и практики отношений между органами власти теряют идеологическую «нагруженность».

При всех противоречиях и попятных движениях будет идти консолидация власти в России как по вертикали, так и по горизонтали. Консолидация более характерна для вертикально интегрированных структур с участием и региональных, и общероссийских группировок. Собственно региональные органы, напротив, дробятся и теряют политическое влияние. Эти процессы открывают путь к более активному взаимодействию федерального и регионального уровней власти.

Ссылки:

1. Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. 2003. № 2(29).
2. Гельман В.Я. Трансформации и режимы // *Россия регионов*. М., 2000. С. 44–48.
3. Туровский Р.Ф. Эволюция и проблемы обновления российской региональной элиты // *Властные элиты современной России: проблемы политической трансформации*. М.; Ростов н/Д, 2004. С. 175–189.
4. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999.
5. Тарусина И.Г. Динамика политических установок региональных элит России: На примере Саратовской области // *Полис*. 2002. № 1. С. 134–135.
6. Там же.
7. Дахин А.В. Трансформации региональных элит: на примере Нижегородской области // *Полис*. 2003. № 4. С. 116–119.
8. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Указ. соч.
9. Александров А.А. Самарская область: политические процессы, 1997–2000 гг. // *Феномен Влади-*

References (transliterated):

1. Duka A.V. Institutsionalizatsiya politiko-administrativnoy elity v Sankt-Peterburge // *Politiya*. 2003. No. 2(29).
2. Gel'man V.Y. Transformatsii i rezhimy // *Rossiia regionov*. M., 2000. P. 44–48.
3. Turovskiy R.F. Evolyutsiya i problemy obnovleniya rossiyskoy regional'noy elity // *Vlastnye elity sovremennoy Rossii: problemy politicheskoy transformatsii*. M.; Rostov n/D, 2004. P. 175–189.
4. Lapina N.Y., Chirikova A.E. Regional'nye elity v RF: modeli povedeniya i politicheskie orientatsii. M., 1999.
5. Tarusina I.G. Dinamika politicheskikh ustanovok regional'nykh elit Rossii: Na primere Saratovskoy oblasti // *Polis*. 2002. No. 1. P. 134–135.
6. Ibid.
7. Dakhin A.V. Transformatsii regional'nykh elit: na primere Nizhegorodskoy oblasti // *Polis*. 2003. No. 4. P. 116–119.
8. Lapina N.Y., Chirikova A.E. Op. cit.
9. Aleksandrov A.A. Samarskaya oblast': politicheskie protsessy, 1997–2000 gg. // *Fenomen Vladimira*

- мира Путина и российские регионы: победа закономерная или неожиданная? М., 2004. С. 141–194.
10. Ковалёв В.А. Поставторитарный синдром в регионе: опыт Республики Коми в контексте «путинского федерализма» // Полис. 2002. № 6. С. 95–103.
  11. Игнатов В.Г. Взаимодействие элит в социально–политическом пространстве современной России / В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, А.М. Старостин и др. Ростов н/Д, 2001.
  12. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть: парадоксы переходного общества // Политика. 2000–2001. № 4(18). С. 93–99.
  13. Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элиты на рубеже XX–XXI веков: особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти // Властные элиты современной России: проблемы политической трансформации. М.; Ростов н/Д, 2004.
  14. Фарукшин М.Х. Региональные политические элиты: смена ролей // Властные элиты современной России: проблемы политической трансформации. М.; Ростов н/Д, 2004.
  15. Игнатов В.Г. Указ. соч.
  16. Галлямов Р.Р. Правящая политическая элита Башкортостана: динамика рекрутации в позднесоветский и постсоветский период (1986–1999 гг.) // Элитизм в России: за и против. Пермь, 2002.
  17. Фарукшин М.Х. Указ. соч.
  18. Галлямов Р.Р. Указ. соч.
- Putina i rossiyskie regiony: pobeda zakonomernaya ili neozhidannaya? M., 2004. P. 141–194.
10. Kovalëv V.A. Postavtoritarniy sindrom v regione: opyt Respubliki Komi v kontekste «putinskogo federalizma» // Polis. 2002. No. 6. P. 95–103.
  11. Ignatov V.G. Vzaimodeystvie elit v sotsial'no–politicheskom prostranstve sovremennoy Rossii / V.G. Ignatov, A.V. Ponedelkov, A.M. Starostin i dr. Rostov n/D, 2001.
  12. Lapina N.Y., Chirikova A.E. Regional'naya vlast': paradoksy perekhodnogo obshchestva // Politiya. 2000–2001. No. 4(18). P. 93–99.
  13. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Rossiyskie elity na rubezhe XX–XXI vekov: osobennosti genezisa, vzaimodeystviy i pozitsionirovaniya vo vlasti // Vlastnye elity sovremennoy Rossii: problemy politicheskoy transformatsii. M.; Rostov n/D, 2004.
  14. Farukshin M.H. Regional'nye politicheskie elity: smena roley // Vlastnye elity sovremennoy Rossii: problemy politicheskoy transformatsii. M.; Rostov n/D, 2004.
  15. Ignatov V.G. Op. cit.
  16. Gallyamov R.R. Pravyashchaya politicheskaya elita Bashkortostana: dinamika rekrutatsii v pozdneso-vetskiy i postsovet-skiy period (1986–1999 gg.) // Elitizm v Rossii: za i protiv. Perm', 2002.
  17. Farukshin M.H. Op. cit.
  18. Gallyamov R.R. Op. cit.